

что «убывающее» языковое явление имеет тенденцию выходить за пределы литературного языка, а не приобретать высокую стилистическую окраску. Поэтому он считал необудительным предположение М. В. Панова [12, с. 22], что произношение *ломк[ъ]й, тих[ъ]й* с твердым заднеязычным согласным из-за редкости, в частности, «характеризует сейчас именно высокий стиль». В. Н. подкреплял свою мысль ссылкой на лексику, поскольку указанная тенденция характерна для всех уровней языка. Он называл множество редких слов, которые тем не менее остались нейтральными. Приведу один пример: сейчас слово *городовой* стало малоупотребительным, потому что исчезла реалья. Но получило ли оно от этого оттенок высоты, торжественности? «Стилистическому средству мало стать архаичным, чтобы измениться в высокое. В русском языке высокой была (и частично есть) лексика, несущая на себе соответствующую оценку почитаемых церковных текстов». В XVIII—XIX вв. стилистически могли оцениваться «различия в звучании слов или, точнее, различия в произношении одних и тех же слов в церковном чтении и в обыкновенной речи». Но в том, что звук [ɣ] был признаком высокого слога, В. Н. сомневался, так как [г] и [ɣ] были разграничены по лексемам. Звук [ɣ] произносился в междометиях *э[ɣ]е, а[ɣ]а* и в некоторых корнях (*бог, благо, богат* и т. д.). В остальных словах произносился звук [г]. Таким образом, не было выбора произносительного варианта. А поскольку стилистическая проблема возникает только тогда, когда существует проблема выбора, [ɣ] следует считать нейтральным.

Интересно замечание В. Н. о роли славянизмов в современном русском языке. По его мнению, ограниченное их употребление в наши дни (речь шла о 60-х годах) нельзя считать положительным, прогрессивным явлением языкового развития. Сейчас в торжественных случаях используются метафоры и гиперболы вместо таких собственно языковых стилистических средств, как славянизмы. К заслугам символистов В. Н. относил попытку вновь ввести в употребление это стилистическое средство русского языка, но, к сожалению, она окончилась неудачей.

Роль В. Н. в создании Московской фонологической школы известна. Ему принадлежит идея гиперфонемы, за которую в свое время его и Р. И. Аванесова обвинили в агностицизме, как будто они говорили о непознаваемости фонемы. Необходимость в понятии гиперфонемы возникла в связи с потребностью представить фонемный состав таких слов, как *собака*, в котором нельзя однозначно определить фонему на месте буквы О, так как в сильной позиции, под ударением, в этой морфеме она не встречается. Теоретически в позиции нейтрализации первого предударного слога возможны две фонемы — ⟨О⟩ и ⟨А⟩ или гиперфонема ⟨О/А⟩. В. Н. подчеркивал, что гиперфонема принципиально отличается от архифонемы пражцев, и удивлялся тому, что некоторые лингвисты этого не замечают.

По словам В. Н., он и другие московские фонологи при разработке своей теории исходили из идей Н. Ф. Яковлева и Г. Г. Шпета и не испытывали влияния Ф. де Соссюра. В. Н. вообще считал, что в «Курсе общей лингвистики» Соссюра фонетика в основном изложена традиционно, новым является только определение фонемы. С якобсоновским определением фонемы как пучка различных признаков В. Н. не соглашался, так как эти признаки при функционировании языка, если оставаться в его пределах, не являются очевидными: *сор, бор, пор*. Различия по месту, способу образования и т. д. становятся очевидными, если анализировать звук с физиологической точки зрения.

До конца своих дней В. Н. сохранил активный интерес к лингвистической науке во всех ее проявлениях. Он даже слушал воскресные радиопередачи о русском языке. Однажды он попросил меня передать нашему сотруднику свое замечание к его объяснению радиослушателям причин выпадения редуцированного в слове *бычела*. По мнению В. Н., редуцированный выпал не потому, что был в безударном слоге, а потому, что находился перед слогом с гласным полного